

В.И. Голдин*

**ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ВЛАСТИ И ИСТОРИКОВ
В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ
ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ
О ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ В РОССИИ**doi:10.31518/2618-9100-2024-5-10
УДК 94(470)"1918/1922"(045)

Выходные данные для цитирования:
Голдин В.И. Взаимоотношения власти и историков в контексте формирования исторической памяти о Гражданской войне в России // Исторический курьер. 2024. № 5 (37). С. 125–138. URL: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-5-10.pdf>

V.I. Goldin*

**THE RELATIONSHIP BETWEEN THE AUTHORITIES
AND HISTORIANS IN THE CONTEXT
OF THE FORMATION OF HISTORICAL MEMORY
ABOUT THE CIVIL WAR IN RUSSIA**

doi:10.31518/2618-9100-2024-5-10

How to cite:
Goldin V.I. The Relationship Between the Authorities and Historians in the Context of the Formation of Historical Memory about the Civil War in Russia // Historical Courier, 2024, No. 5 (37), pp. 125–138.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-5-10.pdf>]

Abstract. The article contains an analysis of the relationship between government representatives and historians in the process of formation of the historical memory about Civil War in Russia in Soviet and post-Soviet period. The author defines the concept of “historical memory” and the relationship between the concepts of “history” and “memory”. The main stages of the relationship between the authorities and historians coinciding in principal with the periodization of the Civil War in Russia are identified and characterized. The article characterizes the main stages of these relationships and their impact on historical literature and formation of historical memory of the Russian Civil War. The author cites such major historical projects as “The History of the Civil War in the USSR” and Volume 12 of the 20-volume edition “History of Russia”, which is currently in the process of preparation for publication, as examples of interaction between the authorities and historians. It is shown, how the situation in the country, international and domestic politics influenced and affects the relationship between the government and historians in general and in the context of the formation of historical memory about the Civil War in Russia. The article indicates how the general ideas about it, its concept and historical memory relate. The historical memory of the Soviet Civil War, attempts and processes of its transformation in the post-Soviet period are characterized. The complex and transitional current state of the historical memory of the Civil War in Russian society, its differing perception by different social groups, is indicated. The author notes that the correct perception of the historical memory of the Russian Civil War, the extraction of historical lessons and the prevention of similar dramas and tragedies in the future largely depend on the interaction and mutual understanding of the authorities and the historical community, the creation of generalizing scientific publications and special manuals for school teachers and university professors.

Keywords: Civil War in Russia, authorities, historians, relationships, historical memory.

* **Владислав Иванович Голдин**, доктор исторических наук, профессор, Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия, e-mail: v.i.goldin@yandex.ru
Vladislav Ivanovich Goldin, Doctor of Historical Sciences, Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia, e-mail: v.i.goldin@yandex.ru

The article has been received by the editor on 24.06.2024. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Статья содержит анализ взаимоотношений представителей власти и историков в процессе формирования исторической памяти о Гражданской войне в России в советский и постсоветский периоды. Дается определение исторической памяти и взаимоотношений понятий «история» и «память». Выявлены и охарактеризованы основные этапы взаимоотношений между властями и историками, в принципе совпадающие с периодизацией историографии истории российской Гражданской войны. Охарактеризованы особенности характера этих отношений и их влияние на историческую литературу и формирование исторической памяти о российской Гражданской войне. Приведены примеры взаимодействия представителей власти и историков в ходе реализации наиболее крупных исторических проектов, таких как «История гражданской войны в СССР» и находящийся сегодня в процессе подготовки к публикации 12-й том двадцатитомной «Истории России». Показано, как обстановка в стране, международная и внутренняя политика влияли и влияют на характер взаимоотношений власти и историков в целом и в контексте формирования исторической памяти о Гражданской войне в России. Указывается, как соотносятся общие представления об этом периоде, его концептуальное осмысление и историческая память. Охарактеризована историческая память о Гражданской войне советского времени, попытки и процессы трансформации ее в постсоветский период. Указывается сложное и переходное современное состояние исторической памяти о Гражданской войне в обществе, ее различное восприятие разными социальными группами. Автор отмечает, что от взаимодействия и взаимопонимания власти и исторического сообщества, создания обобщающих научных изданий и специальных пособий для учителей школ и преподавателей вузов во многом зависит корректное восприятие исторической памяти о российской Гражданской войне, извлечение исторических уроков и недопущение подобных драм и трагедий в будущем.

Ключевые слова: Гражданская война в России, власти, историки, взаимоотношения, историческая память.

Статья поступила в редакцию 24.06.2024 г.

Тема исторической памяти оказалась в последние годы в центре общественных и профессиональных исторических дискуссий. Отражением их остроты стал вошедший в оборот термин «войны памяти». Без памяти исторической и культурной трудно представить себе общество, память лежит в основе человеческой культуры. А без исторической памяти получается общество Иванов, не помнящих родства.

История – это память культуры, и она, как справедливо заметил Ю.М. Лотман, «не только след прошлого, но и активный механизм настоящего», во многом создающий основы культурного генотипа нации¹. Под исторической памятью понимается совокупность представлений об историческом прошлом, которые существуют в обществе как на массовом, так и на индивидуальном уровне, включая их когнитивный, образный и эмоциональный аспекты. Историческая память – это способ сохранения и современной трансляции прошлого, феномен общественного сознания.

История и память – две формы обращения с прошлым, дополняющие друг друга и оказывающие взаимовлияние. Но и на ту и на другую оказывают, в свою очередь, влияние политика и политики, власть предрешающие. История как наука взыскательно и критически оценивает содержание и конструкции исторической памяти, которые всегда подвержены

¹ Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М., 1996. С. 384.

политической конъюнктуре, зависят от государственной политики памяти и во многом обусловлены потребностями современности. Но и сама история как наука подвержена воздействию политики и власти. Роль историков в формировании исторической памяти двойственная. Им принадлежит приоритетное право сохранения и трактовки прошлого, но благодаря им это прошлое постоянно меняется, переосмысливается. Историки сложным образом взаимодействуют с представителями власти в контексте формирования исторической памяти, ибо, с одной стороны, не могут не прислушиваться к ним, так как те формируют основы мемориальной политики и проводят ее в жизнь, но, с другой стороны, качество политики памяти во многом зависит от того, в какой мере представители власти знают и понимают достижения исторической науки по конкретным проблемам.

Важной и актуальной темой является историческая память о Гражданской войне в России и усвоение ее исторических уроков. Массовое общественное сознание о Гражданской войне и есть по существу содержание исторической памяти, которая, в свою очередь, подразделяется на коллективную, опирающуюся на социальные контексты, и недолговечную индивидуальную память. Проблематика исторической памяти о Гражданской войне находилась в центре внимания и обсуждения на целом ряде состоявшихся в канун ее столетия научных конференций², а также освещается в работах отдельных исследователей³. Периодически высказываются на эту тему и современные политики и представители власти⁴.

Какова сегодня и какой будет эта память о Гражданской войне и политика памяти российского государства в отношении нее – все это предмет пристального внимания и изучения зарубежных коллег, историков и политологов⁵, которые проявляют особый интерес к таким темам, как история интервенции и отношения России с Западом, антибольшевистское и Белое движение, национальная проблематика, трактовки патриотизма в Гражданской войне, ибо все это тесно и многими нитями связано с современностью.

Цель статьи – анализ взаимоотношений власти и политиков, с одной стороны, и историков, с другой, в контексте формирования исторической памяти о Гражданской войне в советский и постсоветский периоды.

В советский период власти занимали, исключая лишь годы перестройки, четкую и определенную позицию в отношении восприятия и трактовки российской Гражданской войны и формирования исторической памяти о ней и достаточно жестко контролировали и направляли деятельность историков, занимавшихся этой проблематикой. Дело в том, что победа большевиков и советской власти в Гражданской войне была тем историческим фундаментом, который легитимировал эту власть. Это определяло и соответствующие действия властей, направленность их политики памяти об этой войне, а также характер изучения и оценки историков, во многом исходя из известного тезиса М.Н. Покровского о том, что «история – это политика, опрокинутая в прошлое». Иначе говоря, историки

² Гражданская война в России (1917–1922): историческая память и проблемы мемориализации «красного» и «белого» движения: сб. мат-лов конф. М., 2016; Человек, общество и власть в эпоху «Русской Смуты 1917–1920: память, осмысление, примирение: мат-лы конф. Симферополь, 2020; Международная интервенция и Гражданская война в России и на Русском Севере: ключевые проблемы, историческая память и уроки: сб. мат-лов конф. М., 2020.

³ Волков Е.В. «Гидра контрреволюции». Белое движение в культурной памяти советского общества. Челябинск, 2008; Гришанин П.И. Белое движение и Гражданская война: историческая феноменология и историческая память // Вопросы истории. 2008. № 2. С. 167–173; Гришанин П.И. Историческая память как инновационное направление отечественной исторической науки // Гражданская война в России (1917–1922 гг.): взгляд через десятилетие. Самара, 2009. С. 484–491; Голдин В.И. Гражданская война в России: история и память // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 6. С. 113–120.

⁴ Исаев А. Память о Гражданской войне // Российская газета. 2019. 24 июля; Мединский В.Р. Обращение к читателям // Международная интервенция и Гражданская война в России и на Русском Севере: ключевые проблемы, историческая память и уроки: сборник материалов. М., 2020. С. 3.

⁵ Laruelle M., Karnysheva M. Memory Politics and the Russian Civil War: Reds versus Whites. London; N.Y., 2021; Laruelle M., Karnysheva M. Rediscovering Russia's White Movement: Politics, Culture and Memory Today. London; N.Y., 2021; etc.

обязаны были следовать в кильватере партийно-государственной политики и официальных трактовок Гражданской войны.

Вместе с тем в рамках советской эпохи в развитии отношений представителей власти и историков можно выделить ряд периодов, которые, в принципе, совпадают с периодизацией историографии истории Гражданской войны в России. Первый период охватывал саму Гражданскую войну и 1920-е гг. В основе взглядов лидеров большевиков, руководителей советской власти и публикаций первого поколения исследователей, в большинстве своем участников той войны, среди которых было немало и представителей власти, лежала, во-первых, тесная и органичная взаимосвязь Октябрьской революции и Гражданской войны, и последняя трактовалась как защита революции и продолжение ее военными средствами, справедливая борьба народных масс против эксплуататоров за светлые идеалы справедливого социалистического общества. В основе формирующейся концепции Гражданской войны лежал классовый подход, история борьбы классов.

Лидеры большевиков – В.И. Ленин, Л.Д. Троцкий и др. – формулировали определяющие трактовки российской Гражданской войны, давали толкования ее ключевых проблем. Ленинские суждения о ней в качестве «ленинской концепции Гражданской войны» становятся в дальнейшем основополагающими для нескольких поколений советских историков, а сам Ленин будет именоваться в советской историографии первым историком этой войны. Его оценки и суждения играли ключевую роль в формировании исторической памяти о российской Гражданской войне как героической эпохе молодой Советской республики.

В 1920 г. была создана Комиссия по истории РКП(б) и Октябрьской революции (Истпарт) (переведенная из первоначального ведения Наркомпроса в ведение ЦК партии большевиков) и Истпарты на местах. Их главной задачей были сбор и публикация источников по истории Гражданской войны как продолжения Октябрьской революции, в первую очередь ее участников из советского лагеря, хотя в опубликованных материалах присутствовали и оценки противоположной стороны, интервенции и внутренней контрреволюции. Через систему Истпартов, осуществляемые ими публикации и проводимые мероприятия во многом формировалась и историческая память о Гражданской войне. На это была направлена и деятельность военных структур – Военно-исторической комиссии, созданной в 1918 г. при Всероссийском главном штабе и перешедшей в 1921 г. в состав вновь образованного Штаба РККА, Военно-научного общества, окончательно оформившегося при академии Генштаба в 1921 г., реорганизованного в том же году в Военную академию РККА, и др.

Именно военными в 1920-е гг. были опубликованы двухтомник и два трехтомных издания о Гражданской войне⁶, а военная и политическая история, в первую очередь советского лагеря и Красной армии, определяла направленность исследований этой тематики в тот период. История Гражданской войны писалась как история победителей, и именно этот героический образ той войны, образ Победы, внедрялся в массовое сознание и историческую память общества.

Борьба за власть в партийно-государственном руководстве СССР в 1920-е гг., несомненно, накладывала свой отпечаток на освещение Гражданской войны, ибо после издания в 1923–1926 гг. серии основополагающих трудов председателя РВСР и наркома по военным и морским делам Л.Д. Троцкого его имя в дальнейшем на десятилетия было вычеркнуто из летописи той войны, а в историческую память внедрялся его образ как двурушника и предателя.

Основное внимание уделялось изучению советского лагеря, но в 1920-е – самом начале 1930-х гг. публиковались и работы первого поколения советских историков о лагере контрреволюции, носившие, как правило, критически-обличительный характер, доказывавшие ее «антинародную деятельность», историческую обреченность и зависимость от зарубежных держав и интервентов. В опубликованных в 1920-е гг. исследованиях закладывается характерная для всей советской эпохи традиция именно с интервенцией

⁶ Гражданская война: Материалы по истории Красной Армии: в 3 т. М., 1923–1924; Какурин Н.Е. Как сражалась революция: в 2 т. М.; Л., 1925–1926; Гражданская война 1918–1921: в 3 т. М., 1928–1930.

связывать развязывание, длительность и ожесточенность Гражданской войны в России. Эта идея внедрялась и в историческую память о войне. Активно публиковались в 1920-е гг. работы советских политиков и историков, обличавшие «контрреволюционную» деятельность так называемых мелкобуржуазных партий в Гражданской войне, в первую очередь эсеров и меньшевиков, что сопровождало их репрессивно-судебное преследование. Они трактовались как соратники интервентов и белогвардейцев.

Укоренению отрицательного образа противников большевиков в исторической памяти способствовало издание серии книг под названием «Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев». Подобные издания предварялись вступительными статьями советских политиков и историков и соответствующими комментариями в их текстах.

Время с 1930-х по начало 1950-х гг. – это второй период в историографии Гражданской войны и формировании исторической памяти о ней. Он характеризовался особым вниманием руководства страны к указанной тематике и формированию исторической памяти о ней, что предопределяло и характер отношений власти и историков. Это воплотилось, прежде всего, в проекте издания «Истории Гражданской войны» (ИГВ), инициированном А.М. Горьким в 1929 г., замысел которого был поддержан И.В. Сталиным.

Обосновывая необходимость подготовки и издания ИГВ, Горький в письме к Сталину, в частности, подчеркивал, что это нужно «для дела политического, т.е. социалистического воспитания крестьянства». Он видел в этом издании две главные личности: «Пролетарий, который боролся за социализм, и зажиточный мужичок, который дрался за свое хозяйство и все еще продолжает драться за священную частную собственность»⁷. Излагая свой замысел, Горький связывал предмет исследования с современностью. В письме историку М.Н. Покровскому он подчеркивал, что «мы все еще живем в состоянии гражданской войны», и предлагал довести издание «вплоть до наших дней», ибо «гражданская война переносится в ту “мирную” действительность, в которой мы существуем сегодня»⁸.

Более развернутую характеристику целевого предназначения издания ИГВ и его роли в формировании исторической памяти о Гражданской войне Горький давал в письме членам редколлегии ИГВ летом 1930 г.: «Нужно сделать книгу, которая, преследуя цель социалистического воспитания массы, была бы интересна и увлекательна для малограмотного взрослого и для юноши. <...> Это – первый и крайне ответственный опыт: дать массе рабочих и крестьян яркую, широкую и точную картину недавнего прошлого, в событиях которого непосредственно участвовали десятки тысяч будущих читателей этой книги. Со всей прямотой и суровостью подлинной истории нужно показать массе ее роль в “гражданской войне” (подчеркнуто в тексте. – В. Г.) – показать ее героизм, не скрывая, однако, и фактов самопредательства, переходов с красного фронта на белый и т.п., – фактов, которые следует трактовать как явления массового самоубийства и объяснять как уродливое недоразвитие классового самосознания. <...> С достаточной ясностью нужно показать крестьянству все те случаи, когда оно, предавая рабочих Красной армии, само уничтожало себя, шло против своих интересов». Горький указывал и на необходимость «пользоваться воспоминаниями белогвардейских генералов о погромах, которые они устраивали в деревнях и городах...»⁹.

И.В. Сталин считал необходимой реализацию издания ИГВ, указывая, что историческая правда об этой войне «вносит дифференциацию и раскол даже в самые замкнутые учреждения и организации»¹⁰. Вероятно, Гражданская война ассоциировалась лидером большевиков с переживаемым периодом великих трансформаций и объявленного «наступления социализма по всему фронту», и уже в самом этом лозунге звучал военный лейтмотив.

Любопытен для анализа взаимоотношений власти и историков процесс формирования основных органов для работы над ИГВ. 25 августа 1930 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение об издании ИГВ и утвердило его редколлегию в составе шести человек, включая

⁷ «История гражданской войны в СССР» (1935 г.): история текста и текст истории. М., 2017. С. 6, 493, 496.

⁸ Там же. С. 496–497.

⁹ Там же. С. 501–502.

¹⁰ Там же. С. 5.

А.М. Горького, наркомов К.Е. Ворошилова и А.С. Бубнова, заместителя наркома просвещения, академика АН СССР, видного советского историка М.Н. Покровского, а также военных – начальника Политуправления РККА Я.Б. Гамарника и начальника и комиссара Академии РККА им. М.В. Фрунзе Р.П. Эйдемана. Секретариату ЦК поручалось пополнить редколлегию двумя молодыми историками-марксистами. В июле 1931 г. были приняты два постановления Политбюро ЦК об издании ИГВ, в том числе о создании Главной редакции ИГВ, включая Горького, четырех членов Политбюро во главе со Сталиным и двух членов ЦК. Кроме того, была создана историческая, но по сути своей политическая редакция, ибо в нее входили члены ЦК и ЦКК и только два историка – многоопытный М.Н. Покровский и фактически начинающий работу на историческом поприще Р.С. Ахундов (перешедшей в Институт истории партии с должности второго секретаря ЦК КП(б) Азербайджана), а также художественная редакция¹¹.

Таким образом, это планируемое к подготовке издание ИГВ стало не только объектом политики и прямого контроля власти, но и самой политикой. 16 ноября постановлением Главной редколлегии ИГВ был образован секретариат Главной редакции в составе пяти человек, среди которых был лишь один историк и проверенный член партии большевиков, комиссар конного корпуса в годы Гражданской войны – И.И. Минц, ответственный за историческую часть издания¹². Он стал, по сути, ключевой фигурой и мотором в подготовке ИГВ.

Параллельно с работой над этим проектом по инициативе А.М. Горького развернулся сбор воспоминаний по истории Гражданской войны, в процессе которого им подготовлено отредактированное И.В. Сталиным обращение под названием «Участникам гражданской войны» (из варианта наименования Горького было убрано «и свидетелям»), где, в частности, говорилось: «Документов много, но все-таки их недостаточно для полного и правдивого освещения всех событий 17–21 годов. <...> Нужно, чтобы люди, которые помнят события тех лет, записывали и присылали в редакцию “Истории” свои записки». Была разработана «Инструкция по собиранию и обработке материалов по “Истории гражданской войны”, в которой детализировались как способы создания источников (устных и письменных воспоминаний), так и способы работы архивов и музеев». Эта инициатива нашла живой отклик, и в 1931–1932 гг. в секретариат Главной редакции ИГВ поступило около 1 500 рукописей, и в результате в подготовленном им обзоре прозвучала оценка: «Массы творят и пишут историю – можно сказать уже сейчас по поводу работы над “Историей гражданской войны”»¹³.

В письме Горького Сталину 12 ноября 1931 г. описывался замысел и технология создания ИГВ: «Каждый том представляет собой связанное – исторически и хронологически точное – и популярное изложение хода событий вооруженной классово-партийной борьбы по областям; материалом для каждого тома служат: воспоминания и мемуары участников, проверенные и обработанные военными историками и историками-марксистами, а также – в целях особенной яркости и популярности – отшлифованные литераторами-художниками. Это и должна быть “история” в подлинном смысле понятия. Все же, что – по тем или иным причинам, например, по причине художественной цельности, по объему, по форме: романы, пьесы, стихи, рассказы – не пойдет или может нарушить связность исторического изложения, – все это издается в форме сборников, альманахов, как добавление к истории, как отдельная серия “Материалов по истории гражданской войны”». 22 мая 1932 г. было принято постановление Главной редакции «Истории гражданской войны», в соответствии с которым параллельно с самой ИГВ было решено издавать «Сборники материалов по истории гражданской войны» с отдельными сборниками по периодам применительно к плану «Истории» в виде приложений к основным томам «Истории». В этих сборниках должны были помещаться как рукописи участников российской Гражданской войны и воспоминания,

¹¹ «История гражданской войны в СССР» (1935 г.)... С. 8–9, 509–510.

¹² Там же. С. 9–10.

¹³ Там же. С. 12.

так и литературные очерки. Для этого к участию в сборниках планировалось привлекать наряду с участниками войны и квалифицированных литераторов¹⁴.

Таким образом, проект создания ИГВ предполагал руководство и контроль со стороны органов власти и участие в его реализации политиков, историков, литераторов и участников Гражданской войны. При этом историки были представлены в основных структурах этого проекта очень скромно, а вся организационная и содержательная работа над ним осуществлялась или находилась под пристальным надзором властей. Адресатом издания выступало все советское общество, а целью – формирование в нем должной исторической памяти о российской Гражданской войне.

Но данный проект был реализован далеко не в полной мере. Вместо планировавшегося выпуска в течение нескольких лет 16-томной ИГВ в довоенный период был опубликован в 1935 г. лишь первый том под названием «Подготовка пролетарской революции», охватывавший период Первой мировой войны и до кануна Октябрьской революции. Его вряд ли можно назвать научным, но скорее политико-идеологическим изданием. Второй том ИГВ под названием «Великая пролетарская революция (октябрь – ноябрь 1917 года)» был издан в 1947 г. с указанием почти той же редакции во главе со Сталиным (но без репрессированного А.С. Бубнова и застрелившегося Я.Б. Гамарника). Последующие тома ИГВ выходили после смерти Сталина, в 1957–1960 гг., и уже без указания представителей власти в составе редакции. В целом же издание завершилось в 1960 г. выпуском пяти томов. На это повлиял целый комплекс причин: смерть Горького в 1936 г., Великая Отечественная война, массовые репрессии второй половины 1930-х гг., а затем ряд кампаний и чисток конца 1940-х – начала 1950-х гг., когда пострадали и сами участники проекта ИГВ.

При всей значимости проекта ИГВ положение историков и их взаимоотношения с органами власти, в том числе в контексте формирования исторической памяти о Гражданской войне, отличались сложным характером. Это обуславливалось оформлением культа личности Сталина, ограничением творческой свободы исследователей, возможностей работы с архивными источниками, репрессиями, в которых погибли многие видные советские военачальники, политики и историки. Было прекращено изучение лагеря контрреволюции в Гражданской войне под влиянием слов И.В. Сталина, что «врага надо не изучать, а бить». К тому же внутренней контрреволюции, как правило, отводилась роль несамостоятельного и зависимого подручного интервентов, а белогвардейские режимы часто характеризовались как марионеточные, и именно в таком виде белогвардейцы входили в историческую память общества.

Изданный в 1938 г. «Краткий курс истории ВКП(б)» сформулировал жесткие маркеры-стереотипы для трактовки истории Гражданской войны и содержания исторической памяти о ней, выходить за которые историкам было опасно. Сталин трактовался как главный сподвижник Ленина в Гражданской войне, а узкая плеяда его ближайших сподвижников и военачальников (К.Е. Ворошилов, С.М. Буденный и др.) оценивалась как сыгравшая важнейшую роль в достижении победы. Кроме того, превозносились имена ряда советских военачальников, погибших в период Гражданской войны (В.И. Чапаев, Н.А. Щорс и др.) или ушедших из жизни в 1920-е гг. (М.В. Фрунзе, Г.И. Котовский и др.), как уже не представлявших опасности для власти, которая нередко виделась ею со стороны военных. Их имена и деятельность увековечивались и становились составной частью исторической памяти о Гражданской войне как о героическом периоде.

Важным в деле формирования исторической памяти о Гражданской войне в 1930-е гг. стало осмысление ее опыта и уроков для подготовки к считавшейся неизбежной новой войне с мировым империализмом. Изучение истории той войны призвано было способствовать воспитанию социалистического патриотизма, милитаризации общественного сознания, культуры, развитию военно-патриотической и оборонной работы.

В годы Великой Отечественной войны историческая память о Гражданской войне, воспроизводимая представителями власти и историками, была призвана вдохновлять

¹⁴ «История гражданской войны в СССР» (1935 г.)... С. 11, 13.

на победу, а после ее окончания способствовать возрождению страны. Мотив единого военного лагеря, единства власти и народа был одной из доминант и в послевоенный период, в условиях «холодной войны», когда в зависимости от внешних угроз менялся и образ главного организатора интервенции в годы Гражданской войны. Если в 1920–1930-е гг. эта роль отводилась обычно Англии и Франции, то после окончания Второй мировой войны – США.

Взаимоотношения политиков и историков носили характер ведущих и ведомых. Деятельность историков в деле формирования исторической памяти о Гражданской войне определялась партийно-государственными решениями, которые принимались безоговорочно, тем более что в послевоенный период в ряды исторической науки влились люди, как правило, прошедшие военную школу Великой Отечественной войны, и они составляли ядро исследователей на протяжении нескольких десятилетий.

Следующий период в историографии Гражданской войны и в формировании исторической памяти о ней охватывает время после смерти Сталина и до середины 1980-х гг. В эти годы расширялась повестка исторических исследований о Гражданской войне и интервенции, было реализовано немало крупных научных исторических проектов, опубликовано большое количество документальных изданий. В результате усложнялся образ Гражданской войны, становился очевиден весь ее драматизм и трагичность, но ответственность за потери и жертвы возлагалась на интервентов и внутреннюю контрреволюцию. Несмотря на возвращение в историографию истории небольшевистских партий и внутренней контрреволюции, публикуемые издания сопровождалась терминами «банкротство», «крах» и т.п., т.е. лейтмотив исторической обреченности противников большевиков в Гражданской войне оставался неизменным. Продолжил господствовать героический миф о Гражданской войне и рассмотрение ее с позиций победителей.

Одной из непростых тем являлась так называемая «ленинская концепция» Гражданской войны. Партийные цензоры строго отслеживали выступления и публикации историков на эту тему. Но сложность заключалась в том, что Ленин был все-таки не историком Гражданской войны, а современником и политиком, который высказывал по ходу ее протекания много разных суждений и оценок и не имел возможности целостно ее оценить по окончании. Тем не менее именно ленинские работы и документы призваны были составить сердцевину интеллектуального понимания Гражданской войны в России и основу исторической памяти о ней. Ленинский тезис о том, что революция лишь тогда чего-нибудь стоит, когда она умеет защищаться, рассматривался как закономерность социалистического развития, с одной стороны, и как ключевой элемент исторической памяти о Гражданской войне и воспитания патриотических начал, готовности защищать Родину, с другой.

Подготовка основополагающих изданий о Гражданской войне в России находилась под неусыпным контролем власти. Свообразными регуляторами от лица власти в отношении историков и их деятельности, в том числе в контексте формирования исторической памяти, были ограничения в доступе к источникам и прежде всего к архивным материалам, когда обширные пласты документов и литературы содержались в спецхранах архивов и библиотек, оставаясь недоступными для исследователей. Доступ в архивы разрешался лишь при наличии официальных отношений вузов и научных учреждений и нередко только с третьей формой допуска к секретности, а в партийные архивы – только коммунистам. «Ножницы» партархивных цензоров неумолимо вырезали все то, что казалось им подозрительным, из тетрадей исследователей. Доступ к материалам противников большевиков, белогвардейцев, эмигрантов, Пражского архива, именованного специальной коллекцией Центрального архива Октябрьской революции и социалистического строительства (ЦГАОР), был возможен только для узкого круга избранных и на основе личных знакомств с руководством архивного ведомства и ЦГАОР. Кроме того, существовала цензура в научной печати, что препятствовало появлению в ней нетрадиционных взглядов и суждений. Это обуславливало сохранение неизменных традиционных стереотипов исторической памяти о Гражданской войне.

Определенная либерализация в отношении описания Гражданской войны в ряде литературных произведений и кинофильмов, где воспроизводился весь трагизм эпохи,

массовый террор и появлялись более сложные и объективные образы противников большевиков, белогвардейцев, была не характерна для исторических исследований.

Качественно новый период в историографии Гражданской войны и в формировании исторической памяти о ней в контексте взаимоотношений власти и историков наступил в условиях советской перестройки. Со стороны нового партийного руководства прозвучал призыв к историкам об освобождении истории, в частности Октябрьской революции и Гражданской войны, от сталинских догматов и возрождении их «ленинской концепции», но в дальнейшем это обернулось их деленинизацией. В условиях декларируемой «гласности» и «демократизации» в обществе развернулась идейно-политическая борьба, в ходе которой размывались так называемые «социалистические ценности». Острота дискуссий об истории Октябрьской революции и Гражданской войны объяснялась тем, что их результаты и существовавшие трактовки «закономерности» победы большевиков обуславливали легитимность советского политического режима, который стремились разрушить оппоненты и противники.

В ЦК было принято решение о написании новой «Истории КПСС», и для ее подготовки привлечена группа видных советских историков, в том числе занимавшихся Гражданской войной, – Ю.А. Полякова и Г.З. Иоффе. Последний опубликовал недавно статью с рассказом о том, как эта группа, курируемая «идеологом перестройки» секретарем ЦК КПСС А.Н. Яковлевым, позднее получившим наименование «архитектора разрушения СССР», пыталась написать такую историю и что происходило с исторической наукой в те годы¹⁵. Отмена 5-й статьи Конституции о руководящей роли КПСС, раскол и деградация советских властных структур привели к тому, что они были уже не в состоянии контролировать историческую науку и историческую память общества.

Радикально настроенные публицисты развернули атаку на сложившуюся концепцию Гражданской войны и военной интервенции, привычные трактовки многих проблем. Поднимался широкий круг вопросов, не находивших ответа или адекватного объяснения в исторической литературе, не изучавшихся раньше по различным причинам или считавшихся запретными для исследования. Их стали именовать «белыми пятнами» истории. В их числе оказалась история политических партий, антибольшевистского и «зеленого» движения, судьбы их лидеров и репрессированных деятелей партии большевиков и военачальников, «рассказывание», «красный террор» и деятельность ВЧК, «цена» и последствия Гражданской войны, ее взаимосвязь со сталинскими репрессиями и др. Таким образом, старые традиционные представления о Гражданской войне с ее героическим мифом стремительно размывались, заменяясь трактовкой ее как братоубийства, а в историческую память о ней стремительно врывались иные образы, персоналии и проблемы. На возникавшие вопросы пытались отвечать профессиональные историки, воссоздавая неизмеримо более сложную картину Гражданской войны и корректируя старые стереотипы исторической памяти о ней, хотя единства мнений в научно-исследовательском сообществе уже не было.

Но в это сложное время происходили и некоторые позитивные для историков, в том числе исследователей Гражданской войны, процессы. Во-первых, рухнула система партийно-государственного контроля за их деятельностью и цензуры. Во-вторых, начался процесс рассекретивания обширных фондов источников и прежде всего архивных материалов, хотя он затянулся на годы и продолжался уже в постсоветский период. Например, еще в 1988–1989 гг. для работы с белогвардейскими документами Центрального государственного архива Советской армии надо было получать разрешение в Генштабе. Приоткрылись двери спецхранов, в том числе ЦГАОР, где в финале советской эпохи появилась возможность работать с белогвардейскими источниками и материалами Пражского архива, что создавало возможности для изучения антибольшевистского и Белого движения.

Постсоветский период характеризовался кардинальными переменами во взаимоотношениях власти и историков в контексте формирования исторической памяти о Гражданской войне и ее трактовках. Лейтмотивом новой власти стал антикоммунизм, и новая

¹⁵ Иоффе Г.З. Перестройка. Финал советской истории: Разрозненные заметки о людях и их делах // К 100-летию окончания Гражданской войны и образования СССР: сб. докл. СПб., 2022. С. 329–358.

политическая конъюнктура привела к кардинальным изменениям в повестке исторических исследований, где в центре внимания оказались противники большевиков, что нередко сопровождалось их идеализацией в публикуемых работах. В связи с этим предпринимались попытки просто заменить советскую историческую память о ней антисоветской.

Научный совет по истории Октябрьской революции АН СССР, занимавшийся и изучением Гражданской войны, координацией исследований по этой тематике, в постсоветский период дважды реорганизовывался, сменив двух руководителей, фактически утратив работоспособность после смерти академика П.В. Волобуева в 1997 г., и прекратил существование в 2019 г. Формально это делалось решениями РАН, но происходило не без влияния властных структур.

Симпатии правящей элиты России к антибольшевистскому движению воплощались в активных контактах с эмиграцией, перезахоронениях в 2000-х гг. в России останков генералов А.И. Деникина и В.О. Каппеля, а также философа И.А. Ильина, что сопровождалось панихидой и воинскими почестями в присутствии представителей власти и общественности. Началась установка мемориальных досок и даже памятников белогвардейским генералам. Вместе с тем власти не пошли на то, чтобы объявить себя наследниками антибольшевиков и белогвардейцев, что означало бы углубление раскола в стране и обществе, и без того находившихся к началу XXI в. в глубоком кризисе. Вместо этого стали активно декларироваться идеи национального примирения. Но сложности процесса примирения демонстрировали страстные дискуссии в обществе в период событий столетия Гражданской войны, вокруг мемориального комплекса в Крыму, открытого, наконец, лишь в 2021 г., и др.

В исторической науке на смену героическому мифу о Гражданской войне пришла трактовка ее как драмы и трагедии страны и общества. Этот лейтмотив восприятия характерен и для власти. Сама концепция российской Гражданской войны кардинально изменилась, о чем приходилось неоднократно писать, рассматривая ее как комплекс или серию войн, конфликтов и противоборств в разных сферах, борьбу центробежных и центростремительных сил, противостояние иностранному вмешательству в вооруженной и иных формах и борьбу за суверенитет и независимое существование, указывая на ее глобальный и тотальный характер и т.д.¹⁶ Концепция и уникальный феномен той войны раскрыты в 12-м томе издания «Гражданская война в России. 1917–1922» 20-томной «Истории России», готовящимся к публикации в издательстве «Наука»¹⁷.

К сожалению, в российском обществе она воспринимается по-прежнему в упрощенном виде, лишь как противоборство красных и белых, при этом до недавнего времени нередко забывалось даже об иностранной военной интервенции. Хочется надеяться, что публикация обобщающих современных исследований будет способствовать более глубокому пониманию феномена Гражданской войны в России и ее исторических уроков.

Пока же разные и противоречивые образы Гражданской войны, создаваемые политиками и СМИ, порождают большие проблемы для ее понимания в обществе, изучения в рамках исторических курсов в школах и вузах и содержания исторической памяти. Сегодня нередко говорят и пишут о «неизвестной» Гражданской войне.

Взаимоотношения власти и историков в вопросах трактовки Гражданской войны и в контексте формирования исторической памяти о ней сегодня можно определить как диалог равных партнеров. Представители власти не берут на себя разрешение сложных проблем трактовки истории и Гражданской войны в частности, но отдают это право профессиональному историческому сообществу. Этим обусловлены решения Президента и Правительства России 2013 г. о подготовке многотомной академической «Истории России», работа над которой идет под эгидой Института российской истории РАН. Как член Главной редкол-

¹⁶ *Голдин В.И.* Гражданская война в России в современном научном понимании: концепция, содержание, последствия // Человек, общество и власть в эпоху «Русской Смуты» 1917–1920: Память, осмысление, примирение: мат-лы науч. конф. Симферополь, 2020. С. 7–20; и др.

¹⁷ О работе над XII томом «Гражданская война в России. 1917–1922» 20-томной академической «Истории России» // Альманах Ассоциации исследователей Гражданской войны в России. Вып. 4–5: Гражданская война в России: история и современность, память и уроки. Архангельск, 2021. С. 138–226.

легии и ответственный редактор 12-го тома «Гражданская война в России. 1917–1922» могут утверждать, что вмешательства представителей власти в процесс подготовки и содержание этого издания не происходит.

Учрежденные в стране Российское историческое общество (РИО) и Российское военно-историческое общество (РВИО) создают площадки для диалога в виде конференций и «круглых столов» о Гражданской войне и интервенции в России, где выступают представители власти и ученые, размышляя о проблемах исторической памяти. Так, в 2020 г. в Архангельске состоялась международная научная конференция о международной интервенции и Гражданской войне, организованная совместно с РВИО. Со вступительным докладом к участникам обратился председатель РВИО, помощник Президента РФ В.Р. Мединский, опубликовавший обращение к читателям сборника, а с основным докладом выступал автор этих строк¹⁸.

15 марта 2024 г. в Доме РИО в Москве состоялся круглый стол, посвященный истории иностранной военной интервенции в годы Гражданской войны в России (1917–1922). Его проведение связано с потребностью осмысления опыта и уроков Гражданской войны в контексте современных внешних вызовов. После вступительного слова председателя РИО С.Е. Нарышкина прозвучали выступления профессиональных историков, специалистов по этой теме. Было принято предложение президента Российской академии образования О.Ю. Васильевой о подготовке учебного пособия по истории Гражданской войны для школьных учителей истории в связи со сложностью ее преподавания, с одной стороны, и необходимостью формирования адекватной исторической памяти о ней у подрастающего поколения, с другой.

От лица власти в последние годы звучит ряд важных идей, связанных с отношением к истории Гражданской войны, урокам, из нее вытекающим, и исторической памяти о ней. Это потребность национального примирения в обществе в отношении Гражданской войны и преодоления раскола, ощущающегося в нем и сегодня. Это знание и уважение своей национальной истории при всех сложностях и коллизиях, которые в ней встречаются, и недопущение повторения ее драм и трагедий. Это потребность консолидации государства, общества и граждан для противодействия существующим вызовам и рискам для России. Это идея патриотизма, призванная объединить людей, исповедующих разные политические и идеологические взгляды, ради обеспечения безопасности, стабильности и развития страны. Это, наконец, то, что развитие России может быть обеспечено лишь при условии надежной защиты ее суверенитета.

В свою очередь историки, занимающиеся изучением Гражданской войны и интервенции в России, видят свою миссию прежде всего в том, чтобы дать полноценное и объективное знание о ней, объяснить произошедшую драму отечественной истории и предостеречь от ее повторения. Они ставят целью показать на опыте той войны, как начинаются гражданские войны, раскрыть логику их развития и последствия. Важной задачей видится содействие преодолению раскола, вызванного Гражданской войной, и примирению, консолидации общества на основе адекватного восприятия исторической памяти о ней. Наконец, важным историческим уроком, на котором акцентируется внимание общества, можно считать то, что во внутривнутриполитической борьбе не следует прибегать к помощи других государств, которые, вмешиваясь, стремятся к достижению в первую очередь собственных целей и интересов, о чем убедительно свидетельствует опыт иностранной интервенции в годы Гражданской войны в России.

Из вышеизложенного вытекает известная общность интересов власти и историков и потребность их взаимодействия в формировании адекватной исторической памяти о Гражданской войне в России и сплочении государства, общества и граждан посредством осмысления исторических уроков прошлого во имя обеспечения безопасности развития страны.

¹⁸ *Голдин В.И.* Гражданская война в России: итоги изучения, современное состояние исследования, проблемы // Международная интервенция и Гражданская война в России и на Русском Севере: ключевые проблемы, историческая память и уроки: сб. мат-лов междунар. науч. конф. М., 2020. С. 11–25.

Вместе с тем следует признать, что историческая память о Гражданской войне в российском обществе находится сегодня в некоем переходном состоянии, когда в ней присутствуют разные нестыкующиеся элементы. У разных общественных групп есть своя историческая память о той войне. Поэтому от взаимодействия и взаимопонимания власти и исторического сообщества во многом зависит формирование корректной и адекватной исторической памяти о ней, хотя нельзя сбрасывать со счетов и сильное влияние на нее СМИ, блогеров с характерным для большинства из них непрофессионализмом и легковесными трактовками этой сложной темы.

Литература

«История гражданской войны в СССР» (1935 г.): история текста и текст истории / сост. М.С. Зеленов, Д. Брандербергер. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 606 с.

Волков Е.В. «Гидра контрреволюции». Белое движение в культурной памяти советского общества. Челябинск: Челябинский Дом печати, 2008. 398 с.

Голдин В.И. Гражданская война в России в современном научном понимании: концепция, содержание, последствия // Человек, общество и власть в эпоху «Русской Смуты» 1917–1920: Память, осмысление, примирение: мат-лы науч. конф. (Симферополь, 12–15 ноября 2020 г.). Симферополь, 2020. С. 7–20.

Голдин В.И. Гражданская война в России: история и память // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 6. С. 113–120.

Голдин В.И. Гражданская война в России: итоги изучения, современное состояние исследования, проблемы // Международная интервенция и Гражданская война в России и на Русском Севере: ключевые проблемы, историческая память и уроки: сб. мат-лов междунар. науч. конф. М., 2020. С. 11–25.

Голдин В.И. О работе над XII томом «Гражданская война в России. 1917–1922» 20-томной академической «Истории России» // Альманах Ассоциации исследователей Гражданской войны в России. Вып. 4–5: Гражданская война в России: история и современность, память и уроки. Архангельск, 2021. С. 138–226.

Гражданская война 1918–1921: в 3 т. / под общ ред. А.С. Бубнова, С.С. Каменева и Р.П. Эйдемана. М.: Военный вестник, Госиздат, 1928–1930. Т. 1. 373 с.; Т. 2. 418 с.; Т. 3. 560 с.

Гражданская война в России (1917–1922): историческая память и проблемы мемориализации «красного» и «белого» движения: сб. мат-лов Всерос. науч.-практ. конф. / гл. ред. Д.А. Алисов, Ю.А. Закунов. М.: Институт Наследия, 2016. 364 с.

Гражданская война: Материалы по истории Красной Армии: в 3 т. М.: Высший военный редакционный совет, 1923–1924. Т. 1. 543 с.; Т. 2. 226 с.; Т. 3. 160 с.

Гришанин П.И. Белое движение и Гражданская война: историческая феноменология и историческая память // Вопросы истории. 2008. № 2. С. 167–173.

Гришанин П.И. Историческая память как инновационное направление отечественной исторической науки // Гражданская война в России (1917–1922 гг.): взгляд через десятилетие: сб. мат-лов науч. конф. Самара, 2009. С. 484–491.

Иоффе Г.З. Перестройка. Финал советской истории: Разрозненные заметки о людях и их делах // К 100-летию окончания Гражданской войны и образования СССР: сб. докл. междунар. науч. конф. СПб., 2022. С. 329–358.

Какурин Н.Е. Как сражалась революция: в 2 т. М.; Л.: Гос. изд-во, 1925–1926.

Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры: Кошелев, 1996. 447 с.

Мединский В.Р. Обращение к читателям // Международная интервенция и Гражданская война в России и на Русском Севере: ключевые проблемы, историческая память и уроки: сб. мат-лов междунар. науч. конф. М.: Пятый мир (Бестселлер), 2020. С. 3.

Международная интервенция и Гражданская война в России и на Русском Севере: ключевые проблемы, историческая память и уроки: сб. мат-лов междунар. науч. конф. / ред. В.И. Голдин. М.: Пятый мир (Бестселлер), 2020. 368 с.

Человек, общество и власть в эпоху «Русской Смуты» 1917–1920: память, осмысление, примирение: мат-лы науч. конф. / отв. ред. В.В. Калашников. Симферополь: ЦМТ, 2020. 256 с.

Laruelle M., Karnysheva M. *Memory Politics and the Russian Civil War: Reds versus Whites*. London; N.Y.: Bloomsbury Academic, 2021. 168 p.

Laruelle M., Karnysheva M. *Rediscovering Russia's White Movement: Politics, Culture and Memory Today*. London; N.Y.: Bloomsbury Academic, 2021. 168 p.

References

Alisov, D.A., Zakunov, Yu.A. (Eds.). (2016). *Grazhdanskaya voyna v Rossii (1917–1922): istoricheskaya pamyat' i problemy memorializatsii "krasnogo" i "belogo" dvizheniya* [Civil War in Russia (1917–1922): Historical Memory and Problems of Memorialization of “Red” and “White” Movement]. Moscow, Institut Naslediya. 364 p.

Bubnov, A.S., Kamenev, S.S., Eydeman, R.P. (Eds.). (1928–1930). *Grazhdanskaya voyna 1918–1921* [Civil War 1918–1921]. In 3 vols. Moscow, Voennyi Vestnik, Gosizdat. Vol. 1. 373 p.; Vol. 2. 418 p.; Vol. 3. 560 p.

Goldin, V.I. (2020). *Grazhdanskaya voyna v Rossii v sovremennom nauchnom ponimanii: kontseptsiya, sodержание, posledstviya* [Civil War in Russia in Modern Scientific Understanding: Conception, Content, Consequences]. In *Chelovek, obschestvo i vlast' v epokhu "Russkoy Smuty" 1917–1920: Pamyat', osmyslenie, primirenie: materialy nauchnoy konferentsii, 12–15 noyabrya 2020 g.* Simferopol, pp. 7–20.

Goldin, V.I. (2020). *Grazhdanskaya voyna v Rossii: itogi izucheniya, sovremennoe sostoyanie issledovaniya, problemy* [Civil War in Russia: The Results of the Study, Current State of the Art, Problems]. In *Mezhdunarodnaya interventsia i Grazhdanskaya voyna v Rossii i na Russkom Severe: klyuchevye problemy, istoricheskaya pamyat' i uroki: sbornik materialov mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. Moscow, pp. 11–25.

Goldin, V.I. (2020). *Grazhdanskaya voyna v Rossii: ustoriya i pamyat'* [Civil War in Russia: History and Memory]. In *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nayki*. No. 6, pp. 113–120.

Goldin, V.I. (2021). *O rabote nad XII tomom "Civil War in Russia. 1917–1922" 20-tomnoy akademicheskoy "Istorii Rossii"* [About Working on 12th Volume 20-volume Academic “History of Russia”]. In *Al'manakh Assotsiatsii issledovateley Grazhdanskoy voyny v Rossii*. Iss. 4–5: *Grazhdanskaya voyna v Rossii: istoriya, sovremennost', pamyat' i uroki*, pp. 138–226.

Goldin, V.I. (Ed.). (2020). *Mezhdunarodnaya interventsia i Grazhdanskaya voyna v Rossii i na Russkom Severe: klyuchevye problemy, istoricheskaya pamyat' i uroki: sbornik materialov mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [International Intervention and the Civil War in Russia and the Russian North: Key Problems, Historical Memory and Lessons: Collection of Materials From an International Scientific Conference]. Moscow, Pyatyy mir (Bestseller). 368 p.

(1923–1924). *Grazhdanskaya voyna: Materialy po istorii Krasnoy Armii* [Civil War: Materials on the History of Red Army]. In 3 vols. Moscow, Vyshiy voennyi redaktsonnyy sovet. Vol. 1. 543 p.; Vol. 2. 226 p.; Vol. 3. 160 p.

Grishanin, P.I. (2008). *Beloe dvizhenie i Grazhdanskaya voyna: istoricheskaya fenomenologiya i istoricheskaya pamyat'* [The White Movement and Civil War: Historical Phenomenology and Historical Memory]. In *Voprosy istorii*. No. 2, pp. 167–173.

Grishanin, P.I. (2009). *Istoricheskaya pamyat' kak innovatsionnoe napravlenie otechestvennoy istoricheskoy nauki* [Historical Memory as an Innovative Direction of Russian Historical Science]. In *Grazhdanskaya voyna v Rossii (1917–1922): vzglyad cherez desyatiletie. Sbornik materialov nauchnoy konferentsii*. Samara, pp. 484–491.

Ioffe, G.Z. (2022). Perestroyka. Final sovetskoy istorii: Razroznennyye zametki o lyudyakh i ikh delakh [Reconstruction. Final of the Soviet History: Scattered Notes about People and Their Affairs]. In *K stoletiyu okonchaniya Grazhdanskoy voyny i obrazovaniya SSSR. Sbornik dokladov mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. St. Petersburg, pp. 329–358.

Kakurin, N.E. (1925–1926). *Kak srazhalas' revolyutsiya: v 3 tomakh* [How the Revolution Fought: In 3 Vol.]. Moscow.

Kalashnikov, V.V. (Ed.). (2020). *Chelovek, obschestvo i vlast' v epokhu "Russkoy Smyty" 1917–1920: Pamyat', osmyslenie, primirenje* [Person, Society and Power in the Epoch of the "Time of Trouble" 1917–1920: Memory, Reflection, Reconciliation]. Materialy nauchnoy konferentsii. Simferopol. 256 p.

Laruelle, M., Karnysheva, M. (2021). *Memory Politics and the Russian Civil War: Reds versus Whites*. London, N.Y., Bloomsbury Academic. 168 p.

Laruelle, M., Karnysheva, M. (2021). *Rediscovering Russia's White Movement: Politics, Culture and Memory Today*. London, N.Y., Bloomsbury Academic. 168 p.

Lotman, Yu.M. (1996). *Vnutri myslyashchikh mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istoriya* [Inside the Thinking Worlds. Person – Text Semiosphere – History]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury: Koshelev. 447 p.

Medinskiy, V.R. (2020). Obrashchenie k chitatelyam [Appeal to Readers]. In *Mezhdunarodnaya interventsia i Grazhdanskaya voyna v Rossii i na Russkom Severe: klyuchevye problemy, istoricheskaya pamyat' i uroki: sbornik materialov mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. Moscow, p. 3.

Volkov, E.V. (2008). "Gidra kontrrevolyutsii". *Beloe dvizhenie v kul'turnoy pamyati sovet-skogo obschestva* ["Hydra of Counterrevolution". The White Movement in the Cultural Memory of the Soviet Society]. Chelyabinsk, Chelyabinskiy Dom pechati. 398 p.

Zelenov, M.S., Branderberger, D. (Comp.). (2017). "Istoriya grazhdanskoy voyny (1935 g.): istoriya teksta i tekst istorii" ["History of the Civil War" (1935): History of the Text and Text of History]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya. 606 p.